

**Комическое в удмуртском фольклоре
и художественной литературе конца XIX – начала XX века**

Т. И. Зайцева

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
uawoz@rambler.ru*

Н. П. Ямаева

*Научно-исследовательский институт национального образования,
г. Ижевск, Российская Федерация,
Ujschor@udm.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Комическое – один из способов художественного отражения действительности, в нём проявляются особенности национального мироощущения определённого периода истории. Для обобщения этапов эволюции комического в литературе, установления причинно-следственных связей развития жанров и форм смешного необходимо выявление его истоков. В статье рассматриваются предпосылки зарождения жанров комического в удмуртской литературе и их своеобразие на начальном этапе её развития.

Цель: выявление истоков и особенностей становления комических жанров в удмуртской литературе в аспекте преемственности традиций устного народного творчества.

Материалы исследования: сатирические и юмористические произведения удмуртского фольклора и начального этапа развития национальной художественной литературы.

Результаты и научная новизна. Предпосылки комического в удмуртской художественной литературе содержатся в самой смеховой культуре народа, в ритуалах и обрядах, которые выполняют магическую функцию. Важным источником зарождения литературных комических жанров послужили жанры устного народного творчества с доминирующей социально-общественной функцией. Существенную роль также сыграли переводческая и культурная деятельность просветителей, влияние более древних литератур. Опираясь на жанры устно-поэтического творчества (шуточные, сатирические, танцевальные и игровые песни, сказки, басни, мадёсы, такмаки) и учитывая, прежде всего, опыт русской литературы, создаются комические художественные произведения различных жанров на удмуртском языке. В статье впервые рассмотрены малоизученные произведения удмуртской комической литературы конца XIX – начала XX века. Это произведения разнородных жанров, имеющие фольклорные истоки: стихотворения, поэмы, пьесы, очерки, рассказы, повести, фельетоны, притчи, басни, мадёсы, новые такмаки, памфлеты, «лёгкие сказки» и другие. Просветительская тематика первых произведений постепенно приобретает социальный и социально-политический смысл, усложняя поэтику комического.

Ключевые слова: комическое, жанр, удмуртский фольклор, удмуртская литература, смех, сатира, юмор.

Для цитирования: Зайцева Т. И., Ямаева Н. П. Комическое в удмуртском фольклоре и художественной литературе конца XIX – начала XX века // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 652–661.

**The comic in Udmurt folklore and artistic literature
of the late XIX – early XX centuries**

T. I. Zaytseva

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation,
uawoz@rambler.ru*

N. P. Yamaeva

*Scientific-Research Institute of National Education,
Izhevsk, Russian Federation,
Ujschor@udm.ru*

ABSTRACT

Introduction: the comic is one of the ways of artistic reflection of reality. It shows the peculiarities of the national worldview at the certain period of history. To generalize the stages of evolution of the comic in literature, to establish cause-and-effect relationships of development of genres and forms of the comic, it is necessary to identify its origins. The article

discusses the prerequisites for the origin of the comic in Udmurt literature and their originality at the initial stage of its development.

Objective: to identify the origins and features of formation of comic genres in Udmurt literature in the aspect of continuity of traditions of oral folk art.

Research materials: satirical and humorous works of Udmurt folklore and the initial stage of development of national literature.

Results and novelty of the research: prerequisites of the comic in Udmurt literature are contained in laughing culture of the people, in rituals and rites that perform a magical function. An important source of the origin of literary comic genres was the genres of oral folk art with a dominant social function. A significant role was also played by the translation and cultural activities of the enlighteners, as well as the influence of older literatures. Based on the genres of oral and poetic creativity (comic, satirical, dance and game songs, fairy tales, fables, *madyos*, *takmak*) and taking into account, first of all, the experience of Russian literature, comic works of various genres are created in the Udmurt language.

For the first time the article considers poorly studied works of Udmurt comic literature of the late XIX – early XX centuries. These are works of different genres of folklore origins: verses, poems, plays, essays, stories, novellas, feuilletons, parables, fables, *madyos*, new *takmak*, pamphlets, «light tales», etc. The educational theme of the first works gradually acquires a social and socio-political meaning complicating the poetics of the comic.

Key words: the comic, genre, Udmurt folklore, Udmurt literature, laughter, satire, humor.

For citation: Zaytseva T. I., Yamaeva N. P. The comic in Udmurt folklore and artistic literature of the late XIX – early XX centuries // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (4): 652–661.

Введение

На разных этапах развития культуры на первый план выходят те или иные грани комического и его функции. В отечественном [2; 3; 13] и зарубежном [25; 26; 27; 28; 29] литературоведении определены закономерности зарождения и функционирования комического, выработаны теоретико-методологические аспекты изучения этой проблемы. Данное явление уже осмыслено на материале финно-угорских литератур народов России [21; 7; 12; 11]. С точки зрения Ю. Б. Борева, концепции литературоведов базируются на трёх методологических подходах к трактовке природы комического: одни рассматривают комическое как чисто объективное свойство предмета, т. е. актуализируется отношение комедийного объекта к воспринимающему субъекту; другие – как результат субъективных способностей личности, т. е. на первом плане отношение субъекта к объекту; третьи – как следствие взаимоотношений субъекта и объекта, т. е. рассматривается характер самих отношений.

Систематизация позиций отечественных и зарубежных учёных позволяет заключить, что «природа комического достаточно однородна и имеет строгую структуру, которая обуславливает возникновение комической ситуации и представляет собой единство трёх элементов: основной черты, образа, экзогенной характеристики; противоположной черты, внешнего образа, экзогенной характеристики; отрицательной коннотации этой внешней черты (например, в виде скрытой издёвки, надуманности ситуации, преувеличения, наложения внешнего готового образа и т. д.)» [19, 66]. Исследователи отмечают, что «в прагматическом аспекте текстовый анализ произведений комического жанра позволяет выявить три раз-

новидности нарушений: 1) эффект обманутого ожидания; 2) противоречие или несоответствие; 3) непредсказуемость» [22, 172]. Сочетание этих эффектов в тексте способствует порождению разнообразных форм комического, иначе говоря: «комическое рождается и существует в зоне контакта, возникающего между личностями, группами в различных социокультурных контекстах» [5, 107]; «смеховая культура всегда несёт на себе отпечаток исторического периода» [6, 86]. В изучении комического очень важен исторический подход. Для обобщения эволюции комического в удмуртской литературе и определения особенностей современного состояния необходимо выявить предпосылки его формирования. Вопросы, связанные со становлением комических жанров в удмуртской литературе, не являлись объектом специального изучения. Исследование процесса формирования и развития комического в удмуртской художественной словесности даёт возможность более полно и объективно представить национальный историко-литературный процесс.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили произведения удмуртского фольклора, наиболее ярко отражающие специфику комического в устном народном творчестве и ставшие основой для становления сатирических и юмористических жанров в национальной художественной литературе.

В работе применены историко-литературный, сравнительно-исторический, описательный методы.

Результаты

Смех как феномен культуры – явление сложное, многофункциональное и эволюциониру-

ющее. Истоки комического в удмуртской литературе связаны со смеховой культурой народа и восходят к древнейшему синкретическому искусству. Особенно ярко народная смеховая культура проявляется в ритуалах, изначально выполняя магическую функцию. Смеховое начало в обряде рождения, к примеру, подробно рассмотрено фольклористом Т. Г. Владыкиной [4]. Закономерно присутствие элементов смеховой культуры не только в традициях и обычаях по случаю рождения ребёнка, но и в поминальных ритуалах. Не случайно известный культуролог-фольклорист О. М. Фрейденберг пишет: «“Смех” и “слёзы” – это метафоры смерти в двух её фазах, возрождения и умирания» [23, 116].

Магический смех своеобразно проявляется и в удмуртских календарных обрядах. В них «чаще всего смех = рождение, смех = очищение заменяется осмеянием, то есть необходимость ритуального смеха как такового уже не осознаётся, начинается введение “объяснительных сценок”, которые переводят смех в категорию эстетическую – комическую или сатирическую, что способствует переходу ритуала в народную драму» [4, 309–310]. Распространённым и функционально насыщенным является ритуал ряженья (удм. – *пöртмаськон*, *вожояськон*), приуроченный к календарным циклам, например, осеннему, святочному, масленичному. Способствуя созданию ситуации «инаковости», смех в ряженьи призван помочь преодолению периодов «безвременья» (зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие). Это смех ритуальный, метафизический, который позднее начинает приобретать социальный характер, трансформируясь в смех-осмеяние. Одной из форм функционирования такого смеха становится комическое подражание (пародирование). Участники обряда, надев (буквально или условно) маски прототипов представляемых персонажей, подвергают их осмеянию, карикатурно выделяя наиболее характерные особенности внешности, поведения, речи, манер.

Разноплановый народный смех свойствен удмуртскому свадебному обряду. Здесь в ещё большей степени проявляются игровой характер действия, элементы театрализации. Действия, направленные на «переворачивание» явлений действительности, раскрываются в иносказательных диалогах при сватовстве, «похищении» и подмене невесты, в шуточных песнях. Удмуртской свадьбе посвящена работа И. М. Нуриевой «Удмуртская свадьба: структура, терминология, музыкальный код» [16].

Постепенно магическая функция обрядового смеха замещается социально-общественной функцией оценочного смеха, направленного на порицание недостатков людей, общества. Социальный смысл комического ярко проявляется в удмуртских народных сказках, высмеивающих зло, глупость, жадность, насилие. Образы отрицательных героев в них гротескны, шаржированы. В этом жанре действует общее правило: комическое «возникает на основе противоречия между сущностью сатирического персонажа и его желанием казаться лучше» [21, 20]. Очень часто отрицательную сущность удмуртских сказочных персонажей развенчивают такие хитрые и находчивые фольклорные герои, как Лёпшо Педунь и Алдар Иван, воплощающие извечную народную мечту о торжестве справедливости.

Явной дидактической функцией обладает народная басня. Иносказание, содержащееся в ней в форме аллегории, представляет собой специфический синтез сатиры и иронии, способствует чёткой конкретизации идеи-нравоучения и её предметной реализации. Близка к басне побасенка (удм. – *мадёс*), напоминающая развёрнутую пословицу или маленькую басню и в аллегорической форме высмеивающая человеческие пороки: «*Адямлэн ымыз одйг луэ, кыыз – кык. / Малы? / Кыкен кулэ ужаны, оген гинэ – сиыны*» [24, 43] («У человека бывает один рот, рук – две. / Почему? / Двумя надо работать, одним только – есть»). В удмуртском мадесе «животный эпос, первоначально имевший у охотников практический смысл удачной охоты, получает аллегорический характер» [21, 23].

Особенное разнообразие смеховых красок комического представлено в удмуртской народной песне. Это, прежде всего, песни социально-бытовой тематики: праздничные, игровые, танцевальные и др. Объектом смеха в песне становятся: самодовольные и самоуверенные богачи – «*Ачим лапег, пыдам сапег / Тамаша ук, тамаша!*» [9, 130] («Сам низенький, на ногах сапоги / Забавно же, забавно!»)¹; лентяи – «*Чильыр-чильыр чиллялоз, шу, / Кабак гинэ коркаед. / Азытэм гинэ воргоронлэн / Мылкыдьёсыз со вылын*» [9, 144] («Блестит да манит, скажи, / Только кабацкий дом. / Только у ленивого мужика / Все мысли там»); жулики и пройдохи – «*Кытчы ветлйд, кечтие? / – Ческыт кубиста сины, / Тодьы кубиста сины. / – Кечтие-чебере. <...> – Табере кытчы мынйськод? / – Пеймыт тэле мынйсько, / Пеймыт тэле мынйсько. / – Кечтие-чебере*» [9, 129] («Куда ходил, мой зайка? / – Вкусную капусту есть, /

¹ Здесь и далее, где не указан переводчик, удмуртский текст приводится в дословном переводе авторов статьи – Т. З., Н. Я.

Белую капусту есть. / – Зайка-красавец. / <...> – Теперь куда идёшь? / – В тёмный лес иду, / В тёмный лес иду. / – Зайка-красавец.») и другие. Иногда в песне смеются над собой, иронически оценивая собственную бедность, несостоятельность: «*Корка но жутй, ой, но камышен, / Липетсэ липи, ой, но шашыен*» [9, 126] («Дом да я построил из камыша / Крышу да покрыл осокой»). Динамичным ритмом и экспрессией, весёлым, жизнерадостным юмором отличаются танцевальные и игровые песни, что отражается и в их названиях: «Ялыке, ялыке» («Ой, да приходите, приходите») [9, 135], «Кинъёс, кинъёс лыктйллям» («А кто же, кто же пришёл») [9, 137], «Куинь куз кутэ вал» («Было то у меня три пары лаптей») [9, 138], «Улй, улй» («Жил да жил») [9, 136].

Более острая сатира характерна для коротких комических песен удмуртов, которые близки к частушкам и называются «такмаки». Исполнители такмаков, как правило, наделяют себя различными человеческими пороками и высмеивают, разоблачают их в иронической форме. Этот жанр предполагает импровизацию, позволяющую оперативно реагировать на изменения, происходящие в быту, экономической и общественной жизни народа.

Народные ритуалы и обряды, жанры устно-поэтического творчества (шуточные, сатирические, танцевальные и игровые песни, сказки, басни, такмаки) послужили основным источником становления и развития удмуртской художественной сатирико-юмористической литературы. Это с одной стороны. С другой – большое значение для формирования удмуртской литературы в целом и комических жанров, в частности, имели буквари, книги для чтения, книжки-картинки, подготовленные известными просветителями И. С. Михеевым (1876–1941) и И. В. Яковлевым (1881–1931). В книги И. С. Михеева «Букварь для вотских детей», «Первая книга для чтения на вотском языке» и И. В. Яковлева «Вторая книга для чтения на вотском языке» вошли рассказы, притчи, басни, загадки, пословицы, сказки и песни на удмуртском языке. Следует отметить, что среди произведений, включённых в эти книги, есть удмуртские фольклорные тексты (загадки, поговорки, колыбельная песня «Гидкуазяд кутэм куинь кенерад...» = «В подворье за тремя изгородями» и др.); переводы произведений русских авторов (Л. Н. Толстой «Бог правду видит, да не скоро скажет», К. Д. Ушинский «Слепая лошадь» и др.); тексты русского фольклора (сказки «Мужик и медведь», «Лиса и волк» и др.); ориги-

нальные авторские произведения (поучительные рассказы И. С. Михеева о мальчике Коле, рассказ И. В. Яковлева «Ужед ке өвёл, кóттэ корма» = «Если у тебя нет работы, чеши живот» и др.). В большинстве текстов так или иначе присутствует смеховое начало. Сюжеты, как правило, просты и построены на противопоставлении добра и зла, плохого и хорошего, старого и нового.

Своеобразие формирования удмуртской художественной литературы в том, что появляются сначала на русском, а затем на удмуртском языках авторские произведения различных жанров, созданные первыми национальными писателями: Г. Е. Верещагиным (1851–1930), И. С. Михеевым, Кедром Митреем (1892–1949), Кузебаем Гердом (1898–1937). Важно отметить, что в конце XIX – начале XX века удмуртская литература обогащается произведениями малоизвестных современному читателю писателей: М. Г. Можгина (1890–1929), Г. П. Прокопьева (1874–1946), М. П. Прокопьева (1884–1919), В. А. Максимова (1899–1971), И. Г. Шкляева (1879–1908). На этапе становления особенно близка к народной песне была удмуртская поэзия, зачастую в первых стихах использовались приёмы такмаков. Примечательно развитие стихотворной сатиры, направленной на обличение и осмеяние недостатков бытового и социально-политического характера. Отличительные черты сатирической поэзии тех лет отражает стихотворение Г. П. Прокопьева «Кин йыр?» («Кто голова?», 1896), сохранившееся в рукописях автора. В поэтической структуре этого текста сильно влияние удмуртского фольклора, однако содержание комического становится художественно более сложным, поскольку автору удалось создать «шаржевые фигуры тех, кому дано право и воля распоряжаться судьбой крестьян» [20, 25]:

Пиняллы йыр – анай,
Анайлы йыр – атай.
Атайлэн йырыз – староста,
Солэн йырыз – старшина...
Староста гуртын,
Старшина – канторын.
Огез ветлэ гырлйен,
Огез ветлэ бодыен. [Цит. по: 8, 8]

Ребёнку голова – мать,
Матери голова – отец.
Отцу голова – староста,
Ему голова – старшина...
Староста – в деревне,
Старшина – в конторе.
Один ходит с колокольчиком,
Другой ходит с палкой.

Сказочные сюжеты легли в основу первых удмуртских поэм «Батыр дйсь» («Богатырская одежда») и «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») Г. Е. Верещагина, «Поп но визьтэм» («Поп и дурак», 1919) М. П. Прокопьева. Следует уточнить, что до настоящего времени дата создания многих произведений Г. Е. Верещагина не определена, при жизни автора они не были изданы. Существенно то, что две последние поэмы написаны по известным произведениям А. С. Пушкина. Тем не менее, они являются оригинальными, отражающими национальные реалии конкретной эпохи, особенности национального характера и мировидения. Например:

Улэм-вылэм поп,
Кымес шорыз лёг. [18, 3]
Визьтэм, пе, шуэ:
«Мыным сиыны
Кёжы пок пёсьтылы;
Ужало арен
Куинь гинэ тэшкылиен». [18, 3]
Ог тó кузёлэсь
(Тани пёсь табань)
Уксё басьтон вань. [18, 9]

Жил-был поп
Волдырь посредине лба.
Дурак говорит:
«Чтобы мне есть,
Вари густую гороховую кашу;
Буду целый год работать
Всего за три щелчка».
За хозяином того озера
(На горячие табани)
Денежный долг имеется.

В названных поэмах представлена шаржевая сатира, высмеивающая человеческие и социальные пороки.

В драматических произведениях И. С. Михеева и Г. Е. Верещагина через осмеяние негативных явлений современности проявляется просветительская направленность. Если пьесы Г. Е. Верещагина «Калтыртйсь» («Гуляка»), «Удмурт юон» («Удмуртский пир»), «Капчи шедьтэм уксё» («Легко доставшиеся деньги»), «Макмыр возись» («Опохмеляющийся») раскрывают, прежде всего, семейно-бытовые конфликты, то пьесы И. С. Михеева «Эн лушка» («Не кради», 1906), «Визьтэм Антон» («Бестолковый Антон», 1919), «Удмурт дышетйсь» («Удмуртский учитель»,

1924), «Удмурт доктор» («Удмуртский доктор», 1920) актуализируют вопросы социально-общественные: обличают судебную систему, подчёркивают роль родного языка в жизни народа и государства. Черты древней народной смеховой культуры особенно ярко проявляются в характеристике персонажей, диалогах и комических сценах, сценических элементах. Например:

Денис: Эх, Антон, Антон! ... Мынам атае укмыстон аресо пересь вал. Со вераськоз вал: дуннеын 77 туры, 77 писпу, 77 тылобурдо, 77 пудо-живот, 77 калык, 77 кыл. Инмар ой ке гажасал, 77 кыл ой кылдытысал. Инмарен сётэм кылэз вунэтыны сёллык, шуоз вал.

Антон: Тынад атаед пересь вылэм, солэн визьмыз но пересьмем вылэм. Соин со номыре уг вала. Тани Нина Петровна вера: улыса-вылыса быдэс дунне вылын одйг калык, одйг кыл луоз, пе. Со кыл «инмарначинал» шуыса нимаськоз, пе.

Саулей: Мар со инмарначинал?

Антон: Чёрт тодэ солэсь мар вылэмзэ. Только инмарначиналлы быдэс дунне шумпотоз, пе [15, 8-9].

(Денис: Ах, Антон, Антон! ... Мой отец был стариком девяностолетним. Он бывало говорил: на свете 77 растений, 77 деревьев, 77 птиц, 77 животных, 77 народов, 77 языков. Если бы Богу было неугодно, он не создал бы 77 языков. Язык, данный Богом, грех забывать, говорил.

Антон: Твой отец старым был, и ум у него уже состарившийся был. Поэтому он ничего и не понимал. Вот Нина Петровна говорит: вскоре на всем белом свете будет один народ, один язык. Этот язык будет называться «инмарначинал» (букв. перевод с удмуртского языка – «Богоначинание»); обыгрывается слово «интернационал»).

Саулей: Что такое инмарначинал?

Антон: Черт его знает, в чём его суть. Только инмарначиналу, говорит, весь мир будет радоваться).

В прозаических произведениях удмуртской литературы дореволюционного периода особенно ярко проявляется публицистичность. В очерках, рассказах, фельетонах, притчах, баснях, мадёсах сатирическому осмеянию подвергаются самодурство и вседозволенность чиновников, глупость священников, система образования. Интересны в этом плане рассказ-легенда И. Михеева «Три года дьявола возил!» (1907), автобиографическая повесть Кедра Митрея «Дитя больного века» (1911). Так, у Кедра Митрея особенно ярко изображены ужасающие картины образовательного процесса в семинарии для инородцев. Автор пишет: «Сторож имел важное значение – он шалящих наказывал

кнутом, а случалось, иной раз ударит палкой по голове. Ничего, народ терпеливый, да выносиливый. За эту трудную работу, за эту тяжёлую обязанность он очищал наши горшки, оставляя в них ровно половину каши, не оставляя без внимания и мясо» [10, 128].

Поиски новых художественных форм комического обусловили появление в удмуртской литературе различных жанровых образований, усложнение поэтических приёмов. Вместе с тем, появилось большое количество новых такмаков (частушек), которые имели социально-политический, обличительный характер. Эти такмаки оказали влияние на прозаические, художественно-публицистические тексты. Исследователи истории удмуртской литературы пишут: «В годы подъёма революционного движения и подготовки революции 1905 года у рабочих возникла потребность писать обличительную правду про свою жизнь <...>. Именно в этот период появились зачатки удмуртской демократической литературы, противостоящей реакционной литературе церкви и официального “просветительства”» [17, 6].

Прямолинейное обличение, острая сатира характерны для памфлетов и фельетонов тех лет. Популярными становятся фельетоны – *«капчи кылбуръёс»* («лёгкие сказы») – странствующего Деда Шамардана. Это псевдоним писателя, журналиста, сатирика Петра Михайловича Ускова (1888–1939). Его художественные фельетоны публиковались в 1920–30-е годы в республиканской газете «Гудыри» («Гром») под специальной рубрикой «Кылбурась Шамарданлэн капчи кылбуръёсыз» («Лёгкие сказы деда Шамардана»).

Доверчивый дед Шамардан искренне удивляется проявлениям в новой жизни пережитков старины, человеческим порокам, предрассудкам, суевериям, пьянству, невежеству, приспособленчеству, которые и критикует в своих произведениях. Язык его сказов афористичен, язвителен, автор точен в характеристиках высмеиваемых персонажей. Особенная народная поэтичность языка и мышления проявляется в названиях «лёгких сказов»: «Быдэстымтэ на лэсьтонзы – дась ини кышъянзы» («Дело ещё не сделано, а уж готовы заплаты»), «Акаршурын дышетйсь – нылпиосты курадзйтйсь» («Акаршурский учитель – детей мучитель»), «Ужасьёслэн синмазы чын-бус лэзьязы» («В глаза работающих дым и туман пускали») и др. «Лёгкие сказы», проникнутые иронией и бичующие мещанство, зло, ложь, пережитки ста-

рого, создавали и другие «деды»: Элезь Мачи (псевдоним Игнатия Аверкиевича Курбатова (1907–1961)), Чипчирган, Пересь Юбер (псевдонимы Александра Никифоровича Наговицына (1909–1952)) и др. В своих произведениях они критиковали все то, что препятствовало построению новой жизни.

По типу повествования «лёгким сказам» близки сатирические и юмористические рассказы А. Н. Клабукова (1904–1984), вошедшие в цикл «Локан Петырлэн верамъёсыз» («Рассказы Петра Лоханкина», 1927). Произведение организовано от имени героя-рассказчика, через которого автор высмеивает невежество и отсталость людей, попадающих в различные нелепые ситуации из-за несоответствия их привычек и бытовых представлений требованиям нового культурного уклада жизни. Герой рассказа «Кышное дышетйсь» («Жена проучила») попал в неловкую ситуацию из-за своих предрассудков, суеверий. Возвращаясь ночью в нетрезвом состоянии домой, он принял за ведьму лохань, поставленную женой на крыльце дома. Пётр не на шутку испугался, разбудил и переполошил всех жителей деревни, которые и раскрыли «ошибку» героя. С тех пор Пётр получил прозвище Лоханкин и перестал вести разгульную жизнь: *«Локан борды шукиськыса, пинал мылкыд тулкым пазьгиськиз: возьытэ усьыса, со бордысь юмишаны ой пота ни. Нош аслым ним – Локан Петыр понйзы»* [1, 9]. («Стукнувшись о лохань, разбился юношеский пыл. Попав в конфузную ситуацию, я уж больше не ходил развлекаться. А называть меня стали – Пётр Лоханкин»). В этой книге встречаются также рассказы, в которых излишне натуралистическое изображение действительности нивелирует комический эффект. К примеру, «Перепеч» («Перепечи»), «Вож нуны» («Грудной ребёнок») и др.

А. Н. Клабуковым созданы новые для удмуртской литературы произведения, жанр которых автор определил как «пелеетон». «Пелеетон – это звуковое переосмысление слова “фельетон”, буквально означает “удар по уху”» [21, 48] или «попадание на ухо», «задевание уха». «Пелеетоны» стали достаточно распространённым жанром в удмуртской литературе начала XX века. В них поднимались острые, актуальные проблемы строящейся новой жизни. Авторы предполагали, что их тексты могут послужить своеобразным сигналом для представителей власти.

Сатирическим произведениям, написанным в 1920-е годы, свойственны «плакатный стиль»,

карикатурность. Это позволяло особенно ярко и метко, несколькими штрихами изображать осмеиваемые явления, передавать их порочную сущность. Например, в стихотворении «Мон куанер» («Я бедный», 1920) Д. А. Майорову (1889–1923) удалось создать сатирический плакатный образ попа:

Мон Майор, мон куанер,
Попедлы но уг оскы:
Солэн йырсиез кузь,
Шайтан кадь адньиске,
Ыжку пушки пырыса,
Кион сюлмыныз улэ,
Кияз кирос кутыса,
Вёсяськем луса ветлэ. [14, 2]
Я Майор, я бедный,
И попу не верю:
У него волосы длинные,
Как Дьявол смотрится,
Облачившись в овечью шкуру,
Волчьим сердцем живёт,
Взяв в руки крест,
Ходит, будто молится.

Обсуждение и заключение

Комическое в удмуртской художественной литературе формируется на основе фольклорных жанров, отражающих смеховую культуру народа. Это, прежде всего, шуточные, сатирические, танцевальные и игровые песни, сказки, басни, мадёсы, такмаки. Кроме того, комическое начало в удмуртской литературе развивалось под влиянием русской и других литератур. Катализатором процессов взаимодействия этих внутренних и внешних источников стало появление удмуртской письменности. Комплекс факторов определил то, что уже к концу XIX – началу XX века удмуртская комическая литература была представлена произведениями разнообразных жанров: стихотворениями, поэмами, пьесами, очерками, рассказами, повестью, фельетонами, притчами, баснями, мадёсами, такмаками, памфлетами, сказами. Для первых художественных текстов было характерно прямое заимствование фольклорных приёмов комического с их элементарно-просветительскими задачами. Постепенно комическое в литературных произведениях наполняется социальным и социально-политическим смыслом, значительно усложняется поэтика комических жанров.

Список источников и литературы

1. Багай Аркаш. Кышно дышетйз // Багай Аркаш. Перепеч (Локан Петырлэн верамъёсыз). Ижевск: Удкнига, 1927. С. 3–9.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: [б. и.], 1965. 527 с.
3. Боров Ю. Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 270 с.
4. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 356 с.
5. Гришанова Е. В. Социокультурная многоаспектность и историзм категории комического // Культура и цивилизация. 2017. № 2 (6). С. 102–107.
6. Горбачева И. М., Гиршанова Е. В. Роль смеховой коммуникации в социокультурном развитии общества в кризисные периоды // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 85–90.
7. Демин В. И. Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции). Саранск: Рузаевский печатник, 2001. 260 с.
8. Ермолаев А. А., Поздеев П. К. Удмурт литература 9–10 классъёслы. Ижевск: Удмуртия, 1977. 280 с.
9. Жингырты, удмурт кырзан! / сост. П. К. Поздеев. Устинов: Удмуртия, 1987. 374 с.
10. Кедра Митрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9–10. С. 127–160, 168–192.
11. Косинцева Е. В. Формы комического в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 631–637.
12. Кузнецова Т. Л. Комическое в коми литературе. Сыктывкар: КРИППКРНО, 1994. 72 с.
13. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
14. Майоров Д. Мон куанер // Гудыри. 1920. № 22. 17 апреля. С. 2.
15. Михеев И. С. Удмурт дышетйсь: пьеса. М.: Центр. изд-во народов СССР, Удмурт. секция, 1924. 26 с.
16. Нуриева И. М. Удмуртская свадьба: структура, терминология, музыкальный код // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 101–105.

17. Очерки истории удмуртской советской литературы / ред. коллегия: А. И. Писарев, Н. П. Кралина, П. М. Яшин. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. 184 с.
18. Пушкин А. С. Поп но визьтэм [Пер. М. Прокопьев]. Казань: Изд. Казан. Вот. Культ.-просветит. Подотдел, 1919. 16 с.
19. Сурувегина Д. И. Концепт смеха в прагмалингвистике (к вопросу о речевой комической ситуации) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 62–67.
20. Уваров А. Н. К вопросу о становлении жанров удмуртской литературы дооктябрьского периода // Об истоках удмуртской литературы. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1982. С. 5–51.
21. Уваров А. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск: Удмуртия, 1979. 132 с.
22. Фефелова Г. Г. Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 170–173.
23. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998. 800 с.
24. Чечыен нянь. Удмурт калык мадэсьёс / сост. П. К. Поздеев. Ижевск: Удмуртия, 1984. 44 с.
25. Attardo S. Humorous texts: A semantic and pragmatic analysis. Berlin: N.Y., 2001. 238 p.
26. Bremmer Jan and Roodenburg Herman (Eds). A Cultural History of Humour: From Antiquity to the Present Day. Cambridge: Polity Press, 1997. 280 p.
27. Classen A. The Bitter and Biting Humor of Sarcasm in Medieval and Early Modern Literature // Neophilologus. 2017. Vol. 101. № 3. Pp. 417–437. DOI: 10.1007/s11061-017-9526-8.
28. Hoffmann G. Reforming French Culture: Satire, Spiritual Alienation, and Connection to Strangers. Oxford: Oxford University Press, 2017. 264 p. DOI: 10.1093/oso/9780198808763.001.0001.
29. Melton J. When the candle goes out: The complexity of simple jokes and the limits of satire // Studies in American Humor. 2018. Vol. 4. № 2. Pp. 152–159.

References

1. Bagay Arkash. *Kyshnoe dyshetiz* [My wife has taught]. *Bagaj Arkash. Perepech (Lokan Petyrlen veram"yosyz)* [Perepech (stories of Lokan Petyr)]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1927. pp. 3–9. (In Udmurt)
2. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Fransua Rabelais and people's culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: [w/p], 1965. 527 p. (In Russian)
3. Borev Yu. B. *Komicheskoe ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyayet cheloveka i utverzhdaet radost' bytiya* [The comic or how laughter kills the non-perfect world, cleans and renews a human and supports the happiness of existence]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 270 p. (In Russian)
4. Vladykina T. G. *Udmurtskij fol'klor: problemy zhanrovoj evolyucii i sistematiki* [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1997. 356 p. (In Russian)
5. Grishanova E. V. *Sociokul'turnaya mnogoaspektnost' i istorizm kategorii komicheskogo* [Socio-cultural multiple aspect and historicism of the category of the comic]. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2017, no. 2 (6), pp. 102–107. (In Russian)
6. Gorbacheva I. M., Girshanova E. V. *Rol' smekhovoj kommunikacii v sociokul'turnom razvitii obshchestva v krizisnye periody* [The role of laughter-based communication in the sociocultural development of society in the crisis periods]. *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian studies], 2018, no. 2 (18), pp. 85–90. (In Russian)
7. Demin V. I. *Komicheskoe v mordovskoj literature (etapy evolyucii)* [The comic in Mordovian literature (stages of evolution)]. Saransk: Ruzaevskij pechatnik Publ., 2001. 260 p. (In Russian)
8. Ermolaev A. A., Pozdееv P. K. *Udmurt literatura 9-10 klassyosly* [Udmurt literature for 9–10 grades]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1977. 280 p. (In Udmurt)
9. *Zhingyrtu, udmurt kyrdzan!* [Ring, Udmurt song!]. Comp. by P. K. Pozdееv. Ustinov: Udmurtiya Publ., 1987. 374 p. (In Udmurt)
10. Kedra Mitrej. *Ditya bol'nogo veka: avtobiograficheskaya povest* [A child of the sick century: autobiographical story]. *Invozhо* [Solstice], 2005, no. 9–10, pp. 127–160, 168–192. (In Russian)
11. Kosintseva E. V. *Formy komicheskogo v hantyjskoj literature* [The forms of the comic in Khanty literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 631–637. (In Russian)
12. Kuznetsova T. L. *Komicheskoe v komi literature* [The comic in Komi literature]. Syktyvkar: KRIPPKRNO Publ., 1994. 72 p. (In Russian)

13. Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Rus]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 295 p. (In Russian)
14. Mayorov D. *Mon kuaner* [I am poor]. *Gudyri* [Thunderstorm], 1920, no. 22, April 17, p. 2. (In Udmurt)
15. Mikheev I. S. *Udmurt dyshetis': p'esa* [Udmurt teacher: a play]. Moscow: Central'noe izd-vo narodov SSSR, Udmurt. sekciya Publ., 1924. 26 p. (In Udmurt)
16. Nurieva I. M. *Udmurtskaya svad'ba: struktura, terminologiya, muzykal'nyj kod* [Udmurt wedding: structure, terminology, music code]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2016, no. 2, pp. 101–105. (In Russian)
17. *Oчерки истории удмуртской советской литературы* [Essays of the history of Udmurt soviet literature]. Ed. by A. I. Pisarev, N. P. Kralina, P. M. Yashin. Izhevsk: Udmurt. kn. izd-vo Publ., 1957. 184 p. (In Russian)
18. Pushkin A. S. *Pop no viz tem* [A priest and a dumb]. Transl. by M. Prokopyev. Kazan: Izd. Kazan. Vot. Kul't.-prosvetit. Podotdel Publ., 1919. 16 p. (In Udmurt)
19. Surovegina D. I. *Koncept smekha v pragmalingvistike (k voprosu o rechevoj komicheskoj situacii)* [The concept of laughter in pragma-linguistics (to the question about speech comic situation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and cross-cultural communication], 2016, no. 3, pp. 62–67. (In Russian)
20. Uvarov A. N. *K Voprosu o stanovlenii zhanrov udmurtskoj literatury dooktyabr'skogo perioda* [To the question about genre formation of Udmurt literature before the October Revolution]. *Ob istokah udmurtskoj literatury* [About the origin of Udmurt literature]. Izhevsk: NII pri Sovete Ministrov UASSR Publ., 1982. pp. 5–51. (In Russian)
21. Uvarov A. N. *Hudozhestvennoe svoeobrazie udmurtskoj satiry* [Artistic originality of Udmurt satire]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1979. 132 p. (In Russian)
22. Fefelova G. G. *Yazykovye sredstva vyrazheniya komicheskogo v yumoristicheskom diskurse* [Linguistic means of expression of the comic in humorous discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 9 (63), vol. 2, pp. 170–173. (In Russian)
23. Freydenberg O. M. *Mifi literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 800 p. (In Russian)
24. *Chechyen nyan'. Udmurt kalyk mad'osjos* [Bread with honey]. Comp. by P. K. Pozdeev. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1984. 44 p. (In Udmurt)
25. Attardo S. *Humorous texts: A semantic and pragmatic analysis*. Berlin: N. Y., 2001. 238 p. (In English)
26. Bremmer Jan and Roodenburg Herman (Eds). *A Cultural History of Humour: From Antiquity to the Present Day*. Cambridge: Polity Press, 1997. 280 p. (In English)
27. Classen A. The Bitter and Biting Humor of Sarcasm in Medieval and Early Modern Literature. *Neophilologus*, 2017, no. 101 (3), pp. 417–437. DOI: 10.1007/s11061-017-9526-8. (In English)
28. Hoffmann G. *Reforming French Culture: Satire, Spiritual Alienation, and Connection to Strangers*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 264 p. DOI: 10.1093/oso/9780198808763.001.0001. (In English)
29. Melton J. When the candle goes out: The complexity of simple jokes and the limits of satire. *Studies in American Humor*, 2018, no. 4 (2), pp. 152–159. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Татьяна Ивановна, доцент, заведующая кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет» (426034, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, каб. 228), доктор филологических наук.

uawoz@rambler.ru

ORCID.ORG/0000-0003-2934-6251

Ямаева Надежда Петровна, младший научный сотрудник, КНУ Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования» (426051, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. М. Горького, д. 73, каб. 409).

Ujschor@udm.ru

ORCID ID: 0000-0002-7138-6399

ABOUT THE AUTHORS

Zaytseva Tatyana Ivanovna, Associate Professor, Head of the Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Universitetskaya st., 1, building 2, off. 228), Doctor of Philological Sciences.

uawoz@rambler.ru

ORCID.ORG/0000-0003-2934-6251

Yamaeva Nadezhda Petrovna, Junior Researcher, Research Institute of National Education (426051, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, M. Gorky st., 73, off. 409).

Ujschor@udm.ru

ORCID ID: 0000-0002-7138-6399